

НАШЕ НАСЛЕДИЕ

ЖИЗНЬ БЕЗ СВЯТЫНИ ¹

И.А. Ильин

Жизнь без святынь есть первое большое бедствие нашего времени.

Незаметно лишается наша жизнь святынь. Порой мы даже не подозреваем, когда это начинается и как это происходит; и вдруг – свершилось. Многие из нас этого не замечают. А если вдруг замечают, то немало удивляются и даже печалются, так как никто не хотел этого и не может сказать, как стал этому виной. А вина-то как раз заключается не в деянии, а в небрежении и упущении: мы не сумели, не захотели взлелеять в себе противоположное – *духовную полноту и глубину жизни*.

Ведь наша жизнь имеет свой *сокровенный, высший смысл*. Он – не на поверхности повседневности и мелочной суеты. Он не притязает и не принуждает. *Он хочет быть желаемым*: свободно сформулированным, искомым, найденным, обладаемым и тщательно оберегаемым. Он требует от нас непринужденного признания и решительного предпочтения. Только тогда он раскроется нам легко и щедро, наполнит собою нашу жизнь. Если же мы не удовлетворим этому требованию, не отзовемся на его запросы, искания и надежду на поддержку, тогда ускользнет от нас высший смысл жизни и наступит незаметно осквернение ее. И не потому, что она станет бессмысленной сама по себе, а потому, что мы *начнем жить так, как если бы она была бессмысленной*. В реальности все останется прежним, точнее – извечным. Все – от капли дождя до грациозной серны, от птичьего щелбета до тихой материнской любви, от северного сияния до геройской смерти исповедника – все остается полным смысла, дивно устроенным, субстанциально насыщенным, проникнутым Божиим дыханием. Все в самом себе укоренено, все останется Божественным текстом, начертанным священными

письменами; все есть Божья ткань, сотканная из нитей мудрости; все суть таинственная музыка, выдержанная в чистой тональности и раскрепощающей душу гармонии. Но мы, уже не знающие более об этом, а точнее – *не желающие знать*, ведем себя так, словно *сорвались с цепи и пустились во все тяжкие*. Мы уже не разбираем этот текст; мы разорвали вечную ткань; мы стали глухи к этой музыке. Результат стал очевидным: мы извратили наше существование. И вся наша жизнь стала пугающе фатальным недоразумением, «трагедией ошибок»; стала *субъективно бессмысленной, пошлой и мертвой*, уподобляясь то прозябанию жалкого существа и отродья, то вялому сползанию вниз, то полному банкротству, то хаотической свалке.

И уже ничто для нас Божественная предначертанность природы и истории; ничто светящаяся глубина духовной культуры, теперь она для нас то же, что «сущий мрак»; все для нас ничемно и невесомо, как опавшая сухая листва, как летающий по ветру уличный сор. Мы становимся жесткими и бесплодными, но высокомерными и одержимыми страстями; нами же лишенная Божественности Вселенная кажется нелепой, издевательски насмехающейся над нами.

Следовательно, существует своеобразное «качество» человеческой жизни и соответственно ему – своеобразное «измерение» ее, масштаб и критерий, с которыми мы должны считаться. Этот критерий никоим образом не адекватен таким критериям, как религиозная правоверность, мораль, искусство, истинность знания, лояльность закону. Его, скорее, следовало бы назвать критерием *духовной значительности*, в данном случае – пустоты, *осквернения* жизни.

Это свойство можно охарактеризовать и поточнее: оно зарождается там, где духовный принцип в человеке засыпает или иссыкает, и означает, таким образом, *бездуховность* жизни. Оно начинается там, где человеческое *легкомыслие*, и не подозревающее пока о глубокомыслии, наивно и безответственно скользит по житейским волнам. Оно начинается там, где мелочность жизни становится, во всей ее близорукости и плоскочувствии, сувереном.

---

¹ Печатается по изданию: *Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. М., 1998. Т.8. С.345-350.*

Таким образом, оно начинается с *религиозной тупости* и усиливается тогда, когда это религиозное отупение становится *самоуверенным и надменным*, окончательно укореняется в человеке и обретает отпечаток *самоапологии*. Тогда оно воспринимает себя как нечто верное и умное, выстроенное в определенное «мировоззрение».

Это мировоззрение не просто безбожно – в религиозном аспекте оно тупо и вызывающе. Не зная ничего о духе, оно издевается над ним. Оно неромантично, иронично, сухо, бесцветно; словом – пустыня. А еще о нем можно сказать, что оно донельзя трезво, механично, материалистично. Если же взглянуть в его картину мира, то получается такое ощущение, что все краски Вселенной поблекли и ступевались; что пташки умолкли и замертво свалились с неба на землю; что над универсумом гуляет нескончаемый, вечный самум, который замел все глубины таинственного, лишил святого все существующее. И в этом пустынном, заброшенном Богом пространстве началась упорная, жестокая «война всех против всех», которой не видно конца. Значит, жизнь осквернена, и эту скверну придется изжить до конца. ...

Эта лишенная святого пошлость может ко всему примазаться, во всем укореняться; а там, куда она проникает и где ширится, вырождается все – как в отдельном человеке, так и в жизни целых поколений. Овладевает она, к примеру, душой верующего. Тогда его *религиозность* постепенно мельчает, становится педантичной, амбициозной, суеверной, лицемерной, – уподобляясь психозу насилия и страха, богоотвергнутому ханжеству. Проникает эта пустота в *искусство* – и оно тут же забывает о своем высоком и глубоком призвании; его провидческое созерцание тускнеет, его мудрость угасает; оно потворствует пошлomu зуду вожделений, покорствуеt формалистическому снобизму, становится служанкой в политической сфере жизни. Измельчавшая *наука* обретает чрезмерную самоуверенность, считая, что все на свете можно объяснить механистическим способом, и тем самым опускается до немислимого уплощения, до крайнего упрощения. Лишенная священного покрова *мораль* становится сухой, принудительной, бессердечной и лицемерной. Лишенная священного *политика* Превращается в

погоню за личным успехом и властью, в открытую войну интересов и очень скоро становится безыдейной, творчески бессильной и тоталитарной.

Так проявляется в жизни лишенная святости пошлость...

Это осквернение охватывает все сферы человеческой жизни. Но особенно опустошительно оно в *любви*. Бездуховность человеческой любви превращает ее в элементарную потребность естества, самовольно заявляет о себе, своенравно «требует», бесцеремонно и бесстыдно действует и безответно угасает. Бездуховно заключенный брак не сулит ни верности, ни счастья, ни жизнестойкости, ни здорового воспитания. Лишенный святости брак начинается с мальчишеских проделок, терпим или даже поощряем в публичных домах и находит свое завершение в открытом распутстве и распаде семьи.

Лишенное святости *мышление* становится зыбким, скользким по поверхности вещей. Оно уже не ищет целесообразности, уже не имеет «убеждений». Истинность и достоверность ему уже не свойственны абсолютно. Вместо этого оно культивирует выгоду и ударную аргументацию своих возможностей – как это было свойственно когда-то греческим софистам или римской риторике. Для ученых такого сорта мысль – не служение, а, скорее, способ достижения личного успеха, ставка на выигрывать в азартной игре – за деньги получишь и власть. Эта лишенная корней мышление придает всей жизни оттенок авантюры и по сути своей аморально. О настоящей реальности оно и знать не желает, а потому в своем мелкотемье безответственности и релятивизма доходит до цинизма и нередко, увы, до примитива.

Лишенная святости *воля* – это социально опасная сила. И чем сильнее эта сила в личности, тем опасней человек. Нездержанный и развязный стремится к власти любой ценой, использует все способы, исходит все пути, пускает в ход все средства, вплоть до лицемерия, клеветы, лжи и массовых казней. И чем тоньше носитель этой воли, тем изощреннее его борьба за жизнь, тем ярче его способность обойти препоны уголовного права, тем успешнее манипулирует он пробелами и недочетами правопорядка, тем «выше» поднимается он

по ступенькам жизни, тем ущербнее его влияние. Именно эта дурная воля подрывает и подтачивает демократию, именно она провела в жизнь идею тоталитарного государства. Но своего последнего слова эта лишенная святости воля еще не сказала.

Незаметно наша жизнь утрачивает священное. И процесс этот начинается с незначительных упущений и небрежений и заканчивается грандиозными кризисами и потрясениями. Первоисточником же этих опасностей является бездуховное воспитание детей.

СТАНЬ ЦЕЛЬНЫМ! ¹

И.А. Ильин

Расколотый изнутри человек – несчастен и остается таковым даже тогда, когда ему все удастся, когда исполняется его любое желание. Удача не радует его, потому что одна часть его существа не причастна этой радости. Исполнение желаний не приносит ему удовлетворения, потому что даже в желании своем он расколот, а значит, и удовлетворение его не может быть *цельным*. Никакое внешнее везенье не приносит ему блаженства. Никакой жизненный успех не дарует ему счастья покоя. Нет у него для всего этого внутреннего органа; и орган этот именуется *гармонией*, уравновешенной целокупностью влечений и способностей, *согласием* инстинкта и духа, веры и знания.

Расколотый изнутри человек – несчастен. Вечно недовольство – его удел; вечная и притом безнадежная погоня за новыми радостями – его предназначение. Разочарование подстерегает его на каждом шагу. Разочарованный, ищет он все новых, не испытанных, острых ощущений; измышляет неслыханные возможности; извращает свой вкус, обезображивает искусство и готов воззвать и перекрыть все бездны зла, чтобы добыть себе новую «усладу», испробовать новую, доселе небывалую утеху. Ему дано искать и рыться... Расколотый, *сам он не отважится на счастье*, как не узнает никогда и *блаженства*. Тому, кто упивается по частям, не светит упоение; расколотому человеку солнце не смеется...